

ФАРИД ГУСЕЙН

САМАРКАНДСКИЙ «ДИВАН»

(Поэтический цикл)

Посвящается чувству бренности...

*Представь ту пору, взглядишь попристальней в нее,
Собрание всё то же, и место – то же место.*

*Звучит там: ступай ты твердо, спокойно слезы проливай,
Мы стали прахом, и ты есть прах живой.*

Хагани Ширвани, «Развалины Медаина»

**Сейчас я дышу в городе,
Пропахшем историей,
Живущем в окружении теней,
Городе, где утонули в шуме
Перезвон клинков и копыт,
Дышу воздухом, пропитанным стоном.
Как ни крути, в один из прекрасных дней
Судьба склоняет наше чело на грудь¹,
И человек в доме сердца своего
Не отходит от исповеди – вот так он
Поклоняется покаянию и душе.**

**Истории не привыкать жить безмолвно,
Нам не привыкать
Внимать звукам удалившихся шагов:
В кровавых дворцах,
Незаживающих ранах.
Смотрю на мир
Не различающим взглядом,
Так как многое не таково,
Как нам рассказывают...**

**Изучаю историю сына человеческого:
Настает время и человек,
Уйдя из-под пристальных взглядов,
Жаждет ощутить свою насыщенность,
Вот тогда он бежит от постов,
От дарованного имени,
Будущего,
Рая,
Отныне он не боится быть
Прикованным к скалам с пустыми руками.**

**Смотрю на имена на стене,
На крепости, обмазанные**

¹ В Восточной литературе этот символ больше применяется к бутону и используется в переносном смысле (здесь и далее: прим. авт.)

**Глиной вперемешку с золотом, –
На жажду человека
Запечатлеться в бессмертии
Во что бы то ни стало,
На жажду прожить долго,
На жажду бренности о вечном,
К воротам людей, которых забудут,
Пристают руки
От стертых людских следов.**

**О, Каллиграф,
Ни сульсем¹,
Ни насталигом²,
Ни куфи³
Не пиши мое имя на коже,
Я зарыл свое имя повсюду,
Где буду предан забвению.
Увидят, если глянут внимательно:
С каждой таблички могут прочесть мое имя
Те, кто меня не простил.**

**Теперь во дворцах, украшенных золотом,
Совесьт века нынешнего пьянеет
От сладости колыбельных прошлых веков.
О, Каллиграф, не переписывай
Песни прошлого –
Может, лишь преданное забвению
Проживает свою истинную судьбу.**

**Настает день, когда
Людей, которых по праздникам
Ты обходил дом за домом,
Обходишь могилу за могилой,
О, Каллиграф, ты не сможешь ни «нарисовать»,
Ни написать
Сульсем,
Куфи,
Насталигом
Стрелку, указывающую путь
От люльки до могилы.**

**По мере того, как больше брожу по миру,
Всё больше вижу –
Сильнее стыжусь опыта на лице истории.
Понимаю, что человек своей мощью,
Мечом**

¹ Сульс – одна из разновидностей классической каллиграфии, применяемая в арабском языке, создана в Х веке знаменитым арабским каллиграфом Абу Али Мухаммедом ибн Мугля.

² Почерк насталиг создан в конце XIV века в результате синтеза почерков насх и талиг и впоследствии стал одним из видов художественного письма арабского алфавита. Насталиг создан знаменитым каллиграфом Мир Али Табризи.

³ Древний почерк куфи появился в VII веке. Арабская графика была создана Имамом Али на основе древнейшего почерка куфи. Первые экземпляры Корана были написаны именно этим почерком.

И так называемой победой
Поит уксусом справедливость своего сердца.

История днем и ночью
Скребет рану на лице прошлого,
Царства, гордящиеся
Морями крови,
Холмами из отрубленных голов,
Живут, точно пятна
На рубахе карты,
Которую надевает история.

История изнывает от скуки,
Я вижу это по правителям,
Которых она плодит,
По судьбам, которыми
Она вертит, точно безумец
Своей головой.

Оказывается, ложь и правда,
Быль и небыль – сиамские близнецы:
Когда умирает один, не выживает и другой.
Потому каждая эпоха
Поливает наши пустыни сердец,
Дома,
Дворы,
Треснувшую могилу судьбы,
Руины жизни
Своею ложью, каждое время – своею правдой.

Я стою там, где
Еле дышит душа,
Падает тень на лица,
Рыдают руки,
Переполняется чаша терпения.
Мгновения, которые я сейчас проживаю,
Даже краем глаза не глядят на причины,
Темный лик времени
Умер в глазах нетопыря,
Удача сегодняшнего дня
Ушла восвояси в будущем нашем.

Пирамиды, воздвигнутые из человеческих голов,
Поделенные гаремы,
Дворцы с именем Аллаха на стенах,
Правитель, говоривший «Пусть те, кто не верит в наши силы,
Поверит в то, что мы воздвигли»¹,
Спи спокойно в своей могиле,
Отбери там, где находишься,
У будущего
Волю времени – предавать забвению.

---

¹ Эта мысль принадлежит Эмиру Теймуру.

Теперь словесная эквилибристика поэтов,
Цепи сомнения ученых,
Небесный алфавит звездочетов,
Соловьи похвалы придворных
Набились в необъятное блюдо
На оборотной стороне
Зеркала истории, –
Приютились в неприютности
Судного дня.
Миражи побед,
Выстроенные как бусинки на нитке,
Выкатились из рук судьи времени,
Люди совершают паломничество к могилам
Правителя, праведника, ученого
И падают ниц в поклоне бренности.

Смотрю на эту немую могилу –
На этот безмолвный, черный камень¹.
Пусть вечное небо принесет мне свидетельство
На языке дождя, под которым он² мок,
Солнца, которое его жгло,
Тумана, в котором он пропадал,
Скажите: ты пришел на земли,
Пустыни,
Дворцы, над которыми мы царили,
Скажите: дворцы из красного кирпича,
Мечи, покрытые сусальным золотом,
Яркие шелка –
Заалевшая от смущения щека
Истины, стоящей
Перед этими черными камнями,
Скажите: эта немая могила –
Указательный палец
Поперек губ героизма.

Смерть прячет, точно пчела, свое жало
Наш последний шаг
В одном из дней, полном жизни.
Жизнь приютила наши дни
На родине бренности.

Как вода, остужающая страсть,
История убивает победы
На грубом лице жизни.
И внуки поражения
Рождаются, один чуднее другого.

Однажды в нашей жизни рождается потеря,
Чтобы встряхнуть нас,
Порастрясти,
Чтоб напомнить:

¹ Гробница Эмира Теймура, погребенного в самаркандском мавзолее «Гюр-Эмир».
² Имеется в виду Эмир Теймур.

**Есть нежданные вами смерти¹,
Непривычная боль,
Страдания, которых вы еще не вкусили.
Время, увидев горе и неудачу в обнимку,
Увидев в обнимку мечты и недостижимое,
Закрывает перед человеком свои двери
Со скрежетом городских ворот,
И в сердце мира настает тишина,
Схожая с безмолвием Шахи-зинде².**

**Оглядываюсь на небеса,
Что учат любви к недостижимому,
На звезды, что могу разглядеть,
На безграничную ширь,
Как молчалива,
Как безмолвна,
Как стойка
Эта громада свидетельства.
Люди, изучившие по единственной ошибке³
Путешествие звезд,
Любовь вышины,
Дни года,
Те, кто впитали в кельях науку⁴,
Сшитые вами рубахи назиданий
Малы смельчакам невежества,
Люди сейчас не находят времени посмотреть на небо –
Больше никто не учится у неба молчанию.**

**Покуда за дверьми, где склоняются головы⁵,
Не будут сидеть люди, негибающие шею другим,
Никогда не выпрямятся согбенные станы,
Не будут слышны прерванные голоса...
Слова в сердце поэта ждут судного дня,
Слова, которые мы не смогли высказать,
Слова, которые мы задушили в люльке,
Слова, которые мы промолчали,**

¹Теймур, вся жизнь которого прошла в сражениях и который воспринимал смерть как обыденное явление, был ошеломлен смертью Джahanгира – своего первого ребенка, и не мог примириться с этой потерей.

²Шахи-зинде – один из основных архитектурных комплексов в Самарканде. Здесь находятся многочисленные гробницы, где погребены члены рода Теймура, а также святые личности. Это место считается также кладбищем.

³В этой строке имеется в виду обсерватория и мавзолей Улугбека, деятельность тамошних людей науки. Улугбек (Султан Аль ауддөвлеУлуг бек Гюркан, Тургай Мирза) возглавлял династию тимуридов с 1447-го года, построил медресе и обсерваторию, годы его правления занимают важнейшее место в истории науки и искусства средних веков как эпоха стремительного развития науки.

⁴Постройка келий внутри зданий характерный для суфийской философии и нравственности архитектурный стиль. В Самарканде в большинстве построек есть кельи. Кельи символизируют размышление о смерти, понятие «умирания до наступления смерти», брэнность, мимолетность, сиюминутность. В то же время подобные кельи пропагандируют возможность жизни в тесноте, в небольшом пространстве, нестяжательство.

⁵В трех медресе – медресе Улугбека (XVвек), медресе Шир-Дор (XVIIвек) и медресе Тилла-Кары (XVIIвек) – на знаменитой площади «Регистан» («песочная площадь; страна песка») в Самарканде двери низкие. Этот строительный стиль внушает мысль о том, что при входе в дверь науки, познания надо склонять голову, быть скромным и почтительным.

**Однажды эти малютки
Поднимутся из люлек,
Разорвут свои узы
И обовьют ими нам шею,
И потащат нас вдоль всей нашей лживой жизни.**

**В темнице времени
Цепями интриг
Скованы наши ноги, руки,
Наши бессчетные, словно песчинки, грехи
Иссушили моря мечтаний
И приучили нас к пустыням.**

**Ни раздумьями,
Ни рассуждениями,
Ни оттачиванием ума
Не найти смысла жизни,
Цели этого мира,
Точно живую воду.
И не утешить в этой жизни,
Напоминающей тимурские шахматы¹,
Свою совесть,
Чьи не заживают раны,
Чья боль не проходит.**

**Мы чудные полководцы,
Живущие под пятой звезд,
Под затрещинами солнца:
Вроде, сражаемся,
Проливаем кровь,
Пишем историю,
Считаем себя героями,
А на самом деле, мы – повар,
Готовящий отраву своему времени,
Неудавшиеся художники,
Красящие даты в красное и черное.**

**Прошлое отдает отзвуком
Воды, капающей в переполненную чашу,
Вчерашний день зарекся жить
И стариться днем сегодняшним,
Он ушел в затворничество – в келью истории.
А будущее, не зная предков своих, ожидает дня,
Когда отсчет поведется с него,
Вкус непрожитых дней кажется сладким ему...**

**О город², ты – как женщина,
Не устающая наводить красоту,
Не жалеющая румян, сурьмы,**

---

¹Эмир Теймур любил играть в шахматы на большой доске. Он добавил к уже имеющимся фигурам двух верблюдов, двух жирафов, двух стражей, двух мантилей, визирей и еще несколько фигур, в результате чего игра и ходы значительно усложнились. Эта очень трудная, сложная, требующая острого ума игра называется «Тимурскими шахматами».

²Имеется в виду город Самарканд.

**Ты призывала прошлое к греху¹,
Надела лучшие краденые платья,
А теперь созвала всех глядеть на себя,
Хочешь, чтоб все своими глазами
Увидели, как красота обратилась в камень,
Увидели немоту чуда,
Конец кокетства,
Хочешь, чтоб всё больше лиц
Отражалось в зеркалах бренности.**

**Мир – «гостиница» Ханегях²,
Украшает наш стол
Лучшими блюдами,
Сладостями,
Тут и парвардасы³, и нахаби⁴, и тахиби⁵.
Вкус свадебного наны⁶ у нас на устах,
Устиляет нам место
Мягчайшими матрацами,
Легчайшими подушками,
А затем делает побратимом с такими страданиями,
Оставляет в нужде в таких лишениях,
Что всё начинает говорить от имени боли,
И вот так наша память лижет былое счастье
С образа женщины, чья впядинка на щеке –
Колодец преданности смеха.**

**Жила бесплодная женщина⁷,
Сердце свое обратившая в чрево,
Она считала себе попутчиком горе свое,
Что отправило на небеса «бари-хэмли»⁸,
Ее ноги заплутали в легендах,
Ее честь обсуждалась народом,
Оказывается, те, кому оказалось мало красоты ее любви,
Сшили ей платье измены⁹,
А время сыграло роль проныры портного,
Подгоняющего по размеру ложь и обман.**

¹ О подстрекательстве красоты, обворожительности, величии Самарканда разные ученые пишут в переносном смысле, что сам город нашептывал на ухо Эмиру Теймуру: «не прекращай сражаться, грабь города и украшай меня награбленным». Будто бы Эмир Теймур днем и ночью сражался и брал трофеи, чтобы украсить Самарканд.

² Это место относится к зданиям, входящим в комплекс медресе Улугбека и представляет собой постройку типа гостиницы, где принимали очень уважаемых личностей.

³ Употребляемые в Самарканде жареные орехоплодные.

⁴ Сладость, в Самарканде с чаем зачастую едят это кондитерское изделие.

⁵ Разновидность халвы, которую готовят в Самарканде.

⁶ Особый хлеб, который пекут в Самарканде. Этот хлеб под названием «той наны» не черствеет даже на протяжении недели. Его украшают рисом, сахарным песком, а его вес больше, чем у обычного хлеба.

⁷ Имеется в виду Биби-ханым. Супруга Эмира Теймура Биби-Ханым не произвела на свет детей, но совершила много добрых дел. Теперь ее гробница считается одним из святых мест Самарканда, семьи, у которых не рождаются дети, совершают к ней паломничество и надеются, что у них будет ребенок.

⁸ Это выражение означает «младенец в чреве». Одно из выражений, использованных в Коране, в суре «Аль-талак» - «Развод».

⁹ Бытует ничем неподтвержденная история о том, что архитектор, строивший мечеть «Биби-ханым», выдвинул условие, чтоб та поцеловала его. Говорят, что архитектор выдвинул такое условие, чтоб сдать здание в срок.

**Эпоха – кладбище Даньял¹,
Справедливость не на каждом шагу,
А в разных местах.
Я спросил у пьющих воду птиц
О том, где живет благодать,
И увидел, что наш удел на небесах.**

**Мир – шумный базар,
Каждый продает то, что купил.
Сийоп² прекрасен, как женщина,
Каждое утро он красится в краски труда,
Днем носит корзины усилий,
А по вечерам наслаждается тем,
Что остался с пустыми руками.**

**Смотрю на дворцы поклонения³,
Чьи стены впитали чтение Корана
И украшены аятами, хадисами,
Узорами наставлений,
Внезапно передо мной проходит женщина,
Женщина, голоса которой мне никогда не услышать,
Удаляется шагом, не причиняющим боль земле,
И в моей памяти расходится шов грехов,
Мой дух мешается с плотью.**

**Поднимаю голову, смотрю на небо,
На мир, который не наш,
Но который есть вместе с нами,
Мои часы спешат к будущему,
И некто, трясуший меня за ворот,
Показывает мне дни, что вороватые годы
Тайком ото всех выкрали из жизни моей.**

**Прошлое смешалось со словами,
Что не вспомнит проказник,
Учивший попугая ругаться.
Город жаждет жить,
Точно старик, любящий молодую девушку⁴,
Грезы остужают боль прошлого,
Первая любовь не забывается⁵,
Первая любовь вечна,
Чувство счастья, живущее в памяти города –
Это храбрость павших в пути коней⁶
Гонцов, несущих весть о победе.**

¹ Могила пророка Даньяла в Самарканде длиной 18 метров. Причина этого в том, что мощи святого закоданы на расстоянии друг от друга.

² «Сийоп» большой, исторический базар в Самарканде. Здесь многое напоминает средние века – трудящиеся, носильщики, торговцы, яства.

³ Имеется в виду мечеть Бибиханым.

⁴ Гарольд Лемб пишет, что «Теймур любил Самарканд как старик молодую девушку».

⁵ Самарканд был «первой любовью» Эмира Теймура, он завоевал первую победу в этом краю, и взял этот город. Самарканд даровал Эмиру Теймуру веру в себя, потому он любил этот город как виновника своих успехов.

⁶ По указу Эмира Теймура гонцы загоняли лошадей до смерти. И только благодаря этому могли в срок донести письма и важные новости. Потому во всей империи на протяжении дорог можно было увидеть трупы лошадей.

**О, Восточный Рим¹,
О, Ева победы, рожденная
Из ребра кровавых сражений,
Ты растеряла всё нажитое
В спешке фаэтонщика,
Дожидающегося своего хозяина,
Ты упала с лыж сокровищ
И сломала то, что никогда тебе не принадлежало...**

**Мир превратили в райский сад,
А затем в сущий ад,
Поседели черные волосы города,
Точно внезапно наставшие тяжкие дни богача,
Утюг, нагретый угольями
От деревянных столбов сожженных домов счастья,
Спрямил складки мощи и в землю вдавил.**

**Не приводите мне примеры из сборников наставлений:
Камышовые перья обмакнули в чернила
Потной лжи тщетных усилий,
Со свистом резчика впитались в стены
Назидания победителей,
В садах, где теряются кони²,
Давно погас свет триумфального факела.**

**На базаре времени
Каждый продает собственную жизнь за сколько умеет,
Жизнь, словно правитель, подстегивающий торговлю³,
Хочет, чтоб на рынке было больше товаров,
И вот так те, кому не наступить на свою тень
Даже проворными шагами,
Вплетают повозку в тенета смерти.**

**У каждого за пазухой письмо,
Гонец скачет, что есть мочи,
Выбивая коней из сил,
Оставляя позади ветер жалости,
Укачивая солнце «песней ночи и дня»,
И оставляет в прошлом от себя
Трупы коней,
Пыльный вихрь,
Усталую жизнь.
Он спешит доставить весть,
Нисколько себя не жалеет,
И в письме, что он передает из рук в руки,
Азраил оповещает его о дне смерти.**

---

¹ Самарканд, обычно именуемый «Жемчужиной Востока», порой называют и «Восточным Римом».

² Имеется в виду сад «Тахти-Гереш» в Самарканде. Говорят, что этот сад (парк) в Самарканде был настолько велик, что некто, потеряв там коня, нашел его после 6 месяцев неустанного поиска.

³ Эмир Теймур развивал самаркандские рынки. Он, побуждая людей к торговле, приказал заполнить рынки всевозможным товаром. Причиной столь широкого развития торговли являлось то, что город был совершенно безопасен. Историки пишут, что гуляя по Самарканду днем и ночью с мешком золота в руках, никто не причинил бы тебе вреда.